

Вэй Хэн всю жизнь провел в армии. Его фигура, подобно величественной горе Тайшань, внушала трепет, а сам он напоминал острый меч. Без улыбки его лицо было холодным и суровым, излучая такое мощное давление, что даже выдающаяся внешность не могла сгладить этот нрав, от которого по ночам замолкали плачущие дети.

Его пронзительный взгляд, словно у припавшего к земле тигра, готового вцепиться в добычу, невольно заставлял волосы на теле вставать дыбом.

Но когда он улыбался, суровость исчезала, уступая место мягкости. Особенно это проявлялось, когда он смотрел на Чу Ши: в его глазах проскальзывало нечто озорное, словно у мальчишки, который специально дергает девочку за косички, чтобы привлечь внимание. В этом проявлении было что-то дерзкое и вместе с тем комичное.

Внезапно перед глазами Чу Ши возникла ладонь, покрытая грубыми мозолями, а в ней лежали две спелые, аппетитные сливы.

Заметив, как загорелись глаза юноши, Вэй Хэн, задрав подбородок с видом человека, который как бы говорит: «Я ведь велик, можешь не восхищаться», — произнес:

— Знаю, что ты не любишь горечь. Увидел их только что и сорвал по пути.

В карете оставалось мало фруктов, да и те закончились еще позавчера. А этот человек был донельзя изнеженным: не будь у него чего-то, чтобы перебить горький вкус лекарства, он бы ни за что не стал его пить. Дикие сливы обычно растут в самой чаще леса, а при движении по главным почтовым трактам встретить их было практически невозможно.

Чу Ши принял плоды, протер их платком и вложил одну сливу прямо в рот Вэй Хэну, который уже приготовился продолжать свои поучения:

— Ваше Высочество, попробуйте сами.

Сказав это, он откусил кусочек от второй сливы. Дикие плоды, даже будучи спелыми, сохраняли свою терпкую кислоту. Лицо Вэй Хэна мгновенно переменялось, он выплюнул сливу, а его густые брови сошлись на переносице.

— Да это же какая-то отравка!

Увидев, что Чу Ши ест маленькими кусочками, не меняясь в лице, Вэй Хэн поспешно выхватил у него остатки:

— Не ешь. Через десять ли будем в Циньчжоу, там я куплю тебе цукаты.

Чу Ши поджал губы, поднял взгляд на Вэй Хэна и вдруг прищурился:

— Ничего, вполне съедобно.

Вэй Хэн не поверил своим ушам:

— Вполне съедобно? Тебя что, дома голодом морили?

Ему казалось, что этот человек терпит мучения, даже не осознавая этого. Сам он за долгие годы походов чего только не пробовал, но даже ему эта ягода показалась невыносимо кислой, разъедающей зубы. Как она может быть нормальной? А этот ест и бровью не ведет.

Чу Ши встретился с его сложным взглядом и умолк. Он хотел объясниться, но не знал с чего начать. Вэй Хэн уже составил свое мнение, и сейчас любые слова были бы бесполезны.

Отбросив мысли об оправданиях, он услышал стук в стенку кареты:

— Ваше Высочество, лекарство для господина готово.

Вэй Хэн поднялся, подошел к пологу, принял чашу и вернулся на место:

— Пей. Если будешь тянуть, к ужину придется выпить две порции, разве это не мучение?

Чу Ши отложил книгу и с явным нежеланием посмотрел на чашу в руках Вэй Хэна. Он попытался договориться:

— Может, пропустим один раз? Ничего ведь не случится.

— Как это ничего? Врач сказал: пить каждый день, без пропусков. Это всего лишь отвар, сделай три больших глотка, и всё закончится. Поверь мне, давай, пей, пока горячее.

Вэй Хэн еще не встречал настолько капризного человека. Его брови были нахмурены, а в глазах читалось полное несогласие. Еще вчера юноша страдал от невыносимой боли, а стоило пройти дню, как он всё забыл.

Чу Ши смотрел на него, и взгляд его, чистый и холодный, как снег, заставлял Вэй Хэна чувствовать невольную тревогу — казалось, такая глубина чувств не сулит ничего доброго. Вэй Хэн мысленно выругался: искустель. И зачем только мужчине быть таким красивым?

Он впился ногтями в ладони, приказывая себе терпеть. Кончики пальцев саднило, но он сдерживал бушующего внутри зверя. Чтобы скрыть, как сильно он заморожен, Вэй Хэн сурово прикрикнул:

— Пей быстрее!

Этот грозный, но по сути безобидный тон вызвал у Чу Ши приступ дежавю. Где-то в глубине памяти кто-то уже говорил так:

— Вэй Хэн, какой же ты злой.

Вэй Хэн мгновенно сник. Видя, как юноша обиделся, он, даже злясь, невольно улыбнулся и, словно сдаваясь, смягчил голос:

— Ты сейчас меня упрекаешь?

Чу Ши кивнул, не отводя взгляда:

— Упрекаю.

Вэй Хэн замер:

— Чужой человек сказал бы, что не смеет, а ты... — как же он не умеет играть по правилам.

Спустя годы, вспоминая этот момент, он с удивлением осознает: это был свой человек, поэтому и набрался смелости.

Чу Ши опустил ресницы и спросил:

— Так я чужой?

Вэй Хэн окончательно сложил оружие:

— Свой, свой, доволен? Сделай глоток, проедем еще десять ли, и я куплю тебе фрукты, идет?

Чу Ши взял чашу, прикрылся ею и едва заметно улыбнулся. Вэй Хэн... он вызывал у него совсем иные чувства.

Убедившись, что лекарство выпито, он не поскупился на похвалу и украдкой чмокнул юношу в щеку.

Когда Вэй Хэн ушел, Чу Ши вернулся к чтению.

Ученым мужам, чтобы сделать карьеру, требовались рекомендации влиятельных лиц. Если студент хотел получить признание, он обычно писал статью и искал случай, чтобы подбросить ее уважаемому ученому. В случае успеха путь к вершинам был открыт.

В Поднебесной всё держалось на кланах: экзаменаторы чаще поддерживали своих сородичей или раздавали места за услуги, а таланты без связей оставались ни с чем.

Последние десять лет студенты стали адресовать свои статьи членам императорской семьи или высокопоставленным сановникам. У тех было больше власти и квот на рекомендации, даже если лучшие места они отдавали своим. Если статья нравилась, появлялся шанс на продвижение, порой даже более значимое, чем от местных чиновников. Поэтому толпы студентов стремились к ним, как мотыльки на свет.

Многие из них были полны гордости и презирали угодничество, из-за чего среди учащихся возник раскол: одни искали путь через протекцию, другие — гордо хранили свою «чистоту».

Как только Вэй Хэн въехал в заставу Ваньчун, его карету тут же окружили. Проехать было невозможно, поднялся шум. Видя, что Чу Ши вот-вот проснется, он вынужден был отпустить его и выйти наружу.

Открыв дверь, наследный принц Вэй словно сменил маску: с его лица исчезла мрачность, уступив место любезности.

Принц не любил конфуцианские трактаты, а еще больше — высокопарные, оторванные от реальности тексты. Бывало, он публично отчитывал авторов, называя их работы косными, бессмысленными и бесполезными для народа.

В тот год жалобы на принца заполнили весь дворец, император отчитывал его десятки раз и даже приказывал высечь, чтобы успокоить негодование. С тех пор принц больше не выказывал недовольства, принимал все статьи, а наиболее талантливые передавал в Секретариат, приказывая выбирать лучших.

Цянь Шичэн, ехавший в карете позади Чу Ши, услышав о студентах, выставил у входа столик для рукописей. Если работа была достойной, он оставлял на ней свои пометки. Старик Цянь был соучеником нынешнего императорского наставника и слыл великим ученым, чьи критические разборы ценились так же высоко, как труды Цяо Пиншэна из государства У.

Когда кареты остановились у резиденции Вэй Хэна, стража распахнула дверцы, а слуга опустился на колени, подставляя спину вместо подножки. Вэй Хэн быстро подошел, подхватил Чу Ши и вынес его на руках.

Холодный ветер ударил в лицо, Чу Ши невольно вдохнул и закашлялся. Вэй Хэн, собиравшийся поставить его на землю, лишь крепче прижал юношу к себе и зашагал внутрь.

Чу Ши вцепился в его рукав, заливаясь краской:

— Отпусти, я сам дойду.

Вэй Хэн насмешливо бросил:

— Пока ты доберешься своей черепашей походкой, всё лекарство, что ты пил эти дни, пойдет насмарку. Я потратил на тебя кучу редких снадобий, не позволю им пропасть.

Чу Ши поджал губы, явно недовольный этими словами, и крепче сжал пальцы, вскинув красивые глаза.

Он проучит его.

Вэй Хэн приподнял бровь:

— Неплохо, еще и вцепился покрепче.

Чу Ши:

— ...

Он его учит! А не цепляется!

<http://bllate.org/book/19825/1951920>